

Линор Горалик

Чёрный огонь Венисаны

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ЦИКЛА

Венисана

Линор Горалик

Чёрный огонь Венисаны

Издательство "Livebook/Гаятри"

2022

УДК 82-34
ББК 84(2)

Горалик Л.

Чёрный огонь Венисаны / Л. Горалик — Издательство "Livebook/Гаятри", 2022 — (Венисана)

ISBN 978-5-907428-48-5

Захватывающая сказка-миф в нескольких книгах. Агата мечтает вернуться домой и чтобы родители снова полюбили друг друга, но вихрь событий заносит ее в Венисальт, куда навеки ссылают самых опасных преступников. Здесь она разговаривает с мертвыми, признается самой себе в трусости и разоблачает странный монашеский орден. А еще оказывается, что правда способна творить чудеса, хотя в мире нет ничего страшнее правды... «Черные огни Венисаны» — четвертая книга цикла.

УДК 82-34
ББК 84(2)

ISBN 978-5-907428-48-5

© Горалик Л., 2022
© Издательство "Livebook/
Гаятри", 2022

Содержание

Документ первый,	6
Документ второй,	10
Документ третий,	13
Документ четвертый,	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Линор Горалик

Чёрный огонь Венисаны

© Линор Горалик, 2022

© Издательство «Лайвбук», оформление, 2022

* * *

**Документ первый,
совершенно подлинный, ибо он заверен
смирненным братом Ги, ночным чтецом ордена
святого Торсона, в угоду Старшему судье.
Да узрит святой Торсон наши честные дела.**

«Одну молодую монахиню изгнали из ордена святого Торсона, потому что она стащила на кухне кусок пирога с мясом муриоша, приготовленного к Честному Празднику. Это бы ничего, но она так боялась оказаться Нарушительницей Праздника, что соврала своей напарнице, будто никакого пирога не ела, и та при трех других братьях три раза сказала ей: „Уходи!“ Обливаясь слезами, молодая монахиня карабкалась все выше и выше по лестницам и балконам Венисальта, зная, что нигде ей, лишенной орденского шарфа и никем не любимой, не найти приюта, и забралась так высоко, что ей встретилось гнездо муриоша. Обессиленная, ослабшая, с кровавыми мозолями от веревок и перекладин на дрожащих от усталости руках, молодая монахиня не могла двигаться дальше. „Сегодня ночью муриош возьмет меня в жены, а утром оторвет мне голову и выпьет мою кровь, – подумала она. – Что ж, так тому и быть. Все равно мне некуда деваться, а нынче я хоть посплю до утра“. Из последних сил бывшая монахиня проползла через лабиринт костей и палок, переплетенных крепко-накрепко корнями „береникиных волос“, и оказалась внутри гнезда. Здесь остро пахло звериной шерстью и горько – корнем сердцеведки, и от сильного, горького сердцеведочного запаха у бедной монахини пошла кругом голова, да так сильно, что она потеряла сознание. В обмороке ей привиделось, что она по-прежнему карабкается все выше и выше, а ужасный ветер срывает с нее балахон. От стыда молодая монахиня очнулась – и увидела, что над ней стоит огромный белый муриош и рассматривает ее, уперев когтистые лапы в мохнатые бока. Монахиня сразу поняла, что муриош этот совсем старый: глаза у него были, как ртуть, когти – как перламутр, а на витых рогах столько мелких веточек, что казалось, будто на голове растут два куста; скоро-скоро этому муриошу предстояло рассыпаться на десяток мелких неразумных козлят, которые еще год будут бегать, блея дурными голосами, по стенам Венисальта, пока не начнут вставать на задние ноги и умнеть, если только до этого люди их не перебьют. От ужаса монахиня не могла даже отползти, а муриош склонился над ней, осмотрел ее черный балахон и тяжелые рабочие ботинки и сказал: „Что это на тебе нет шарфа, монахиня?“ „Меня изгнали из ордена“, – еле слышно сказала та, делаясь потной от стыда. „Неужели ты плохо ухаживала за сердцеведками, и они завяли? Чему же тебя учила твоя мать?“ – с презрением спросил муриош. Монахиня смогла только помотать головой. „Неужели ты шепотом рассказывала своим детям небылицы про то, что вы когда-нибудь вернетесь в Венискайл?“ – грозно спросил муриош. В ужасе от одной такой мысли монахиня опять замотала головой – у нее еще и детей-то не было. „Неужели ты слишком много разговаривала, и твои братья перестали тебе доверять?“ – с отвращением спросил муриош. Монахиня замотала головой снова – что-что, а она была праведно молчалива. И тогда муриош грозно спросил:

„Неужели ты солгала?“

Монахиня повесила голову, и у нее из глаз потекли слезы. „Такая жена не нужна мне даже на одну ночь”, – сказал муриош, схватил монахиню своими огромными лапами, да и выкинул ее из гнезда...»

В ужасе Агата тогда представила себе, как бедная молодая монахиня в развевающемся черном балахоне летит мимо огромных барельефов и перепутанных лесенок Венисальта, пока не разбивается о какой-нибудь огромный балкон, и сама замотала головой: нет, нет, нет! В больном зубе немедленно словно искрой стрельнуло, и Агата схватила за щеку: ой, ой, ой! Папа положил Агате руку на лоб, и ей сразу стало немного легче, но боль в зубе не утихала: зуб разболелся вчера ночью, и выяснилось, что в нем есть маленькая, но противная дырка, и днем папа повел Агату на улицу с ужасным названием – улица Повязок, – где мастер Горанд с огромными, как лапы муриоша, руками дал ей дышать дымом джиранды, чтобы уменьшить боль, и при помощи специальной машины, у которой быстро-быстро крутились педали, стал сверлить Агатин зуб. Смелая и сильная Агата вела себя совсем как маленькая – ныла и боялась идти, и папе пришлось пообещать ей, что по возвращении домой он прочтет ей взрослую и страшную историю из «Белой книги недостоверных историй», которую Агата обожала, но которую ей строго-настрога было запрещено читать самой, без папиных объяснений. И вот наступил вечер, и Агата лежала под одеялом, по стенам бегали морские кабанчики из волшебного фонаря, и папа читал ей про бедную молодую монахиню и страшного старого муриоша, и Агата была бы совершенно, совершенно счастлива, если бы у нее все еще не болел зуб, несмотря на дым джиранды, который папа давал ей вдыхать раз в два часа. Тогда Агата впервые узнала про Венисальт, а еще про то, что осужденные преступники, попавшие туда, ненавидят ложь и предпочитают говорить поменьше, чтобы случайно не соврать, и про орден святого Торсона – единственный монашеский орден Венисальта, и про цветы-сердцеведки с их запретными клубнями, и про удивительных муриошей, которых разрешается убивать, пока они не встали на задние ноги. Но сейчас Агате нет дела ни до дурацких монахов, ни до каких-то там цветочков, ни до того, врут преступники друг другу или нет; «Спасибо тебе, Господи, – думает Агата, стуча от ужаса зубами, – спасибо, спасибо, спасибо! Спасибо тебе за то, что это очень старый муриош, очень-очень-очень старый». Потому что витые рога муриоша на барельефе, в который Агата вцепилась изо всех сил, покрыты многими-многими веточками, и если бы не эти веточки,

Агата бы рухнула вниз.

Муриош сидит верхом на летящем двухголовом габо, а габо несет в клюве поющего человека – вот что это за барельеф, Агата помнит его из прекрасной огромной книги с рисунками, которую слепой Лорио разрешал ей смотреть, лишь как следует вымыв руки, – но только книга была совсем старая, и Агата понятия не имеет, что в ней правда, а что нет: кто и откуда знает про барельефы на стенах Венисальта, если отсюда до помилования ундами дезертиров никто не возвращался? Агате невыносимо страшно посмотреть вниз, а дурацкое, ненавистное платье «крошки Изапунты» не дает свободно двигаться ногам, и его огромные рукава мешаются под мышками, но все-таки Агата медленно-медленно ползет по барельефу вниз, нащупывая ногами выступы: это, наверное, клочья шерсти муриоша?.. А это – уже перья габо?.. А что будет, когда барельеф кончится, Агата даже думать не хочет, нет, нет! Внезапно ее нога повисает в воздухе; ужас охватывает Агату; собравшись с силами и сжав зубы, она осторожно отводит левое плечо назад и все-таки смотрит вниз.

Там, внизу, под Агатой, гигантский балкон с широченными перилами. Нелепые рукава платья мешают Агате как следует разглядеть, что происходит на балконе, но она видит крыши маленьких домиков, а еще видит, что если она отпустит выступы барельефа, то приземлится как раз на перила, – вот только это страшно, как же страшно!.. Еще страшнее, чем идти, вцепившись в папину руку, вдоль улицы Повязок, еще страшнее, чем когда мастер Горанд своими огромными ручищами поднес к лицу одурманенной джирандой Агаты жуткий бур своей pedalной машины... Тогда папа сказал ей:

«Пой про себя – пой про себя песню про утопшую луну. Пой по кругу, и все будет хорошо».

«Страх мой подобен утопшей луне:
Вон он неверно мерцает на дне,
Вон он зовет меня стать глубиной,
Рыбам на радость стать черной волной...

Страх мой подобен утопшей луне:
Вон он неверно мерцает на дне,
Вон он зовет меня стать глубиной,
Рыбам на радость стать черной волной...

Страх мой подобен утопшей луне:
Вон он неверно мерцает на дне,
Вон он зовет меня стать глубиной,
Рыбам на радость стать черной волной...»

Злость черной волной поднимается в Агате. Пройти все это, все это – и глупо висеть на барельефе, как высохший водяной енот на свае моста! «Ну уж нет, – думает Агата, – ну уж нет!..»

**Документ второй,
совершенно подлинный, ибо он заверен
смирненным братом Оэ, дневным чтецом ордена
святого Торсона, в угоду Старшему судье.
Да узрит святой Торсон наши честные дела.**

Сердце Агаты колотится, коленки ужасно болят, но сильнее всего болят ладони – Агата здорово шлепнулась ими о каменное ограждение гигантского балкона. Перила такие широкие, что, будь Агата с Мелиссой по-прежнему подругами, они отлично могли бы станцевать на этих перилах «пен-перикл», очень нежный и медленный парный танец, который танцуют только женщины, – единственное, что понравилось Агате у весельчаков. При мысли, что теперь ей надо каким-то образом вскарабкаться назад по барельефу и прорваться из Венискайла обратно на кухню к весельчакам, Агату пробирает дрожь. Несчастные дети-солдаты, и ужасный Веселый Майстер Гобрех, и бедная Ласка, которая, конечно, не сможет ее спасти, – все это встает у Агаты перед глазами. Нет, прорываться через весельчаков еще раз – это безумие. Агата вскидывает голову и понимает, что на прекрасный барельеф из пунцового кровавого камня она не сможет взобраться, даже если захочет, особенно сейчас, когда у нее так саднят ладони и так ноют коленки, да и сердце колотится от страха и усталости. «Но ведь пятый этаж был так близок!» – с горечью думает Агата.

Есть еще, конечно, жуткие Худые ворота,

да только час от часу не легче: во-первых, пойдй найди их, когда сама едва понимаешь, где очутилась, во-вторых, это значило бы опять вернуться на второй этаж и все начинать сначала, а в-третьих, через Худые ворота никто еще не возвращался в Венисальт вот так, по своей воле. Но если оказалось, что Худые ворота – не единственный проход между Венискайлом и Венисальтом, может быть, есть еще двери?.. Должны быть еще двери, конечно, должны быть, и какие-то из них, может, ведут прямо на пятый этаж, может, какая-то из них приведет прямо в веселый город Азувим, – вот что думает Агата, – и она найдет эти двери, она обязательно их найдет, она даже знает как – ей просто нужна хорошая книжка, правильная книжка, вот и все. Дома она побежала бы в лавку слепого Лорио и все бы ему объяснила, и тут тоже должна быть книжная лавка или... или еще какое-то книжное место – преступникам, ссылаемым в Венисальт, разрешается взять с собой всего один рюкзак с вещами, но Агата не сомневается, что люди берут с собой книги, – значит, где-то же они ими меняются или где-то их хранят? Преступники! До Агаты вдруг доходит, где она оказалась. Убийцы, и воры, и торговцы икрой

ундов, и похитители детей, и нарядные попрошайки с добрыми глазами, которые предлагают тебе написать свое имя на записке с золочеными краями «на счастье», а потом сжигают ее, и проглатывают пепел, и смотрят на тебя так, что ты счастлив подать им монетку, а дома выясняется, что у тебя пропал кошелек, – вот так счастье! А еще те, кто сговаривался против дуче, и те, кто сочиняет стишки и непристойные песни про его жену и дочь, и... и... «И габетисса, ундеррита, девочка, начавшая войну, – говорит вдруг противный голосок у Агаты в голове. – Здесь самое место для такой девочки, разве нет?» Агата ненавидит этот голос, вечно лезущий не вовремя, она трясет головой, сейчас ей не до него. Ей надо понять, как попасть в книжную лавку, вот что. И еще ей надо переодеться – не разгуливать же по Венисальту в нелепом бальном платье «Изапунты»! И еще... Еще Агате очень-очень надо поесть. И поспать, вдруг думает Агата. Ох, как же ей хочется спать – или хотя бы прилечь! Вот только спать ей, конечно, нельзя, совсем нельзя. Смотреть вправо Агата просто боится и смотрит влево – туда, где на балконе жмутся друг к другу два домика, разделенных небольшим огородом. От края перил вниз ведет веревочная лестница – и Агата только теперь замечает странный клекот и хлопанье крыльев, которые доносятся из стоящей неподалеку огромной клетки с птицами. Таких птиц она раньше никогда не видела: они очень красивы, головы у них круглые, глаза темные, сами они серые, лапы у них розовые, а перья переливаются темно-радужным. К жердочкам от пола до потолка клетки привязаны мешочки с семенами, и Агата вдруг понимает, что готова от голода начать жевать эти семена. Постанывая от боли в ладонях и коленках, она подползает к шаткой веревочной лестнице и хватается за первую перекладину. Была не была! Медленно, с ухающим сердцем,

Агата начинает спускаться.

Цап! Кто-то хватается Агату поперек живота, стаскивает с лестницы, держит крепко-крепко, как Агата ни брыкается, повторяет:

– Ах ты маленькая зараза! Отдай голубя, воровка! Отдай, негодяйка! – и шарит по карманам Агатино платья.

– Не знаю я никакого голубя! – кричит Агата. – А ну пустите меня! – но крепкие руки все шарят и шарят по ее испачканной пышной юбке, и в конце концов разъяренная Агата изо всех сил кусает чье-то плечо, обтянутое рукавом старого синего свитера. Человек наконец выпускает ее и принимается страшно ругаться, а обессиленная Агата падает и пытается перевести дух.

– Отдавай голубя, маленькая мерзавка! – рывкает этот человек и надвигается на Агату, потрясая кулаком и держась за укушенное плечо.

Агата вскакивает на ноги.

– Да что вам от меня надо?! – кричит она сквозь подступающие слезы ярости.

– Ты что хочешь сказать – ты не наворовала у меня голубей? – вдруг удивленно спрашивает человек.

– Да что такое «голуби», объясните мне наконец! – кричит Агата и вдруг соображает, что этот человек, наверное, думает, будто она хотела украсть у него этих толстых красивых птиц – совершенно непонятно зачем. – Не трогала я ваших птиц! – заявляет Агата и топает ногой.

– Ну, не трогала, так собиралась трогать, – говорит человек. На синем свитере у него красной краской грубо написано «ордерро», и вид у него очень угрожающий – Агате хозяин голубей совсем-совсем не нравится. – Значит, ты просто лезла не вниз, а вверх.

Вдруг у Агаты совершенно кончаются силы. Она больше не может ни спорить, ни защищаться, ни даже плакать: она просто садится, кладет руки на колени и опускает голову.

Потоптавшись рядом, человек в синем свитере садится рядом с Агатой.

– Давай-ка разберемся, – говорит он. – Голубей ты раньше никогда не видела – это мне понятно, – а оголодала так, что готова была парочку украсть и съесть. И платье на тебе хоть и дурацкое, но добротное. А кроме того, сейчас июнь. Что, девочка, признавайся: ты была попрошайкой в большой банде, да? И тебя поймали как раз в мае, и арестовали, и выгнали в Венисальт прямо в этом ужасном платье, не дали даже переодеться – значит, своего босса ты не выдала, так? Несладкая у тебя жизнь была, а?

Глаза у Агаты слипаются, от голода ее тошнит, она не может даже понять, чего хочет больше – спать или есть, и ей совершенно все равно, за кого ее принимает этот человек, пусть бы и за бессовестную попрошайку.

– Непонятно только, как ты оказалась так далеко от Худых ворот, – с сомнением говорит человек в синем свитере. – Небось доверилась кому-то, а он таскал тебя за собой и заставлял воровать? Небось он тебя и за голубями отправил? Ох, девочка, девочка...

– Мне нужно выбираться отсюда, – через силу говорит Агата.

– Он тебя где-то ждет, да? – спрашивает человек в синем свитере и, подумав, со вздохом добавляет: – Ладно, малышка, это все позади. Пойдем-ка, вставай.

– Нет, – говорит Агата, – мне нужно выбираться отсюда. Туда, назад. В Венискайл. У меня там мама и папа. Мне нужно...

– Бедный ребенок, – говорит человек в синем свитере и гладит Агату по плечу.

– Прости, малышка, но ты же знаешь: в Худые ворота проходят только один раз.

– Есть еще выход, – вяло говорит Агата. – Не только Худые ворота. Мне надо найти...

– Что? – резко говорит человек в синем свитере и обеими руками разворачивает Агату к себе. – Это кто тебе наговорил?

– Никто, – пугается Агата. – Я...

Человек в синем свитере внимательно вглядывается ей в лицо, держит, не отпускает. Агата закрывает глаза и молчит, чувствуя, что заснет сейчас, прямо сейчас.

– Никогда, слышишь, никогда, девочка, не повторяй больше эту глупость! – говорит человек с надписью «ордерро» на груди. – Я не знаю, где ты это услышала, да только выбрось-ка поскорее это из головы! А теперь вставай и пойдем, давай-давай, потихоньку. Как тебя зовут?

– Агата, – говорит Агата из последних сил.

– Я ордерро Шейсон, – отвечает этот человек. – Ты на ногах-то стоять можешь?

Очень медленно Агата поднимается на ноги, и ордерро Шейсон ведет ее, приобняв, в неказистый домик, сложенный из старых потрескавшихся камней, – в неказистый домик с наличниками из костей муриоша.

**Документ третий,
совершенно подлинный, ибо он заверен
смирненным братом Лэ, дневным чтецом ордена
святого Торсона, в угоду Старшему судье.
Да узрит святой Торсон наши честные дела.**

Агата кашляет и сдергивает с лица треугольную повязку из серого платка, которая только мешает дышать, а от костяной пыли совершенно не помогает. Агате кажется, что эта пыль не просто облепила ей язык и забила в горло, но даже лежит кучками в ушах, – подойди Агата к зеркалу, наверняка выяснилось бы, что от костяной пыли у нее белые ресницы, да и брови тоже белые. Правда, следует признаться, что результат собственной работы Агате очень нравится: от полировки тусклая и неприглядная вилка стала такой блестящей, а кость муриоша, натертая до блеска, оказывается, выглядит почти прозрачной. Но эта ужасная пыль! При мысли, что ей придется каждый день с утра до вечера полировать ножи, ложки и вилки, которые вырезает из костей муриоша Джина, жена ордерро Шейсона, Агата чуть не воет. А главное, ей пока что совершенно непонятно, как искать книжную лавку: в ответ на ее вопросы Джина только хмыкает, а Инга, дочь ордерро Шейсона и Джины, на два года старше Агаты, уже спала, когда вчера Агата рухнула рядом с ней на тоненький матрас, а когда утром Агата проснулась, Инга уже давно ушла наверх, и ее охотничий рюкзак с веревками и когтистыми перчатками, как и ее маленький арбалет, больше не стояли возле кровати. Конечно, Агате бы ничего не стоило сбежать и отправиться на поиски книжной лавки самой – вот только как? Когда рано-рано утром ордерро Шейсон ушел следить за порядком в своем районе, Джина растолкала Агату и, едва дав умыться из кувшина и вытереться грубым серым полотенцем, послала во двор – развешивать такое же грубое серое белье. Тогда-то Агата запрокинула голову и поняла, что весь Венисальт с его огромными разномастными балконами и террасами – это переплетение шатающихся подвесных мостов, на которые и ступить-то страшно, шатких стремянок и веревочных лесенок, канатов, по которым тут и там быстро карабкаются люди с рюкзаками за спиной и узлами на головах, и больших и малых подъемников с веревками, пропущенными через множество круглых блоков. «Не застревай!» – крикнула из кухни Джина, и растерянная, раздосадованная Агата вернулась в домик, где в печи уже горел черный огонь с зелеными всполохами, а Джина разделывала на большом деревянном столе принесенного Ингой со вчерашней охоты козленка муриоша: глаза козлят, которыми можно разжигать огонь, Джина отполирует, а из костей сделает им рукоятки, а еще столовые приборы, швейные иглы и булавки для волос; сердце, кровь и почки козлят Джина завернет в пропитанную жиром бумагу и все это продаст на рынке. Агате же надо тереть костяные приборы шершавым клубнем серебрянки, пока они не станут гладкими и блестящими, и, кашляя от пыли и задыхаясь, Агата очень-очень старается, потому что у нее есть план.

Дело в том, что Агата углядела кое-что в углу кухни, там, где у Джины стоит маленький, явно кое-как сколоченный ею самою шкафчик с солью, и перцем, и помятыми кастрюлями, и банкой сушеных побегов усильника, взвар из которых Джина пьет с самого утра не переставая: *книжки! Целых две книжки!*

Правда, судя по корешкам, никакой пользы от содержания этих книжек Агате явно не будет: одна называется «Совершенно честная книга о том, как готовить лучшие и наиболее дешевые блюда на всю семью», а вторая – «Еще одна совершенно честная книга о том, как готовить лучшие и наиболее дешевые блюда на всю семью». Но вот такая штука: Агата отлично помнит, что на форзаце всех книг слепого Лорио стоял большой и очень красивый оттиск, который Лорио наносил на книги, прижимая резную печать к пропитанной чернилами тряпочке в специальной плоской коробке: на оттиске красовался его кот, сидящий прямо на том месте, где располагалась лавка, – в переулке Трех Влюбленных, около перекрестья стра' Стеволо и улицы святой Алексы (покровительницы бессонных, фантазеров, печатников, тех, у кого сломаны конечности, вымышленных существ и сердцеедов). Вот чем было клеймо слепого Лорио: маленькой картой, помогающей отыскать его лавку, – и теперь Агата очень надеялась, что и в дурацких бесполезных книгах Джины тоже есть какое-то такое клеймо. Тогда Агата узнает хотя бы название книжной лавки и улицу, где лавка стоит, а дальше...

Дальше надо будет уговорить Джину взять Агату с собой на рынок – ведь Агата такая хорошая помощница, неужели и на рынке ей не найдется дела? Ну а рынок – это сердце города, оттуда уж Агата найдет, как добраться до лавки. От воспоминания о родном ма'Риалле с его страшным гамом, и огромными рыбами, и морским запахом, и о лабиринте крошечных улочек, разбегающихся веером от рынка и таких знакомых Агате по их с Торсоном тайным вылазкам в город, сердце Агаты вдруг пропускает удар. Торсон. Агате нельзя думать о Торсоне. Агате нужно полировать, полировать, полировать клубнем серебрянки вот эту костяную вилку, Агате нужно доказать Джине, что она самая послушная, самая полезная девочка на свете, а еще Агате нужно улучшить свободную минутку, одну свободную минутку, и...

Внезапно нож, которым Джина разделяет козленка, с грохотом валится у нее из рук.

– Вон! Вон! А ну вон!.. – кричит Джина страшным голосом.

Страшно перепуганная Агата смотрит туда же, куда и Джина, – и взвизгивает: огромный крылан висит на переплете распахнутого окна, крылан размером с порядочную кошку, и внимательно смотрит на Джину. Что-то не так с этим крыланом, и его размер тут совершенно ни при чем; он разводит крылья – и зеленоватое марево за окном становится ярко-зеленым: тело у крылана малахитовое, а перепонки крыльев – изумрудного прекрасного цвета, и не будь он сам настолько жутким, Агата бы, пожалуй, восхитилась такой красотой. Но вот в чем беда: на секунду Агате кажется, что лицо у этого крылана какое-то... человеческое, что крылан похож на пожилого мужчину с морщинами вокруг глаз и большими одутловатыми щеками.

– Вон, вон, вон! – кричит Джина и хватается за нож.

Жуткое существо в окне прикрывает глаза, взмахивает крыльями и взмывает вверх. Джина тяжело опускается на табуретку.

– Что... что это было? – задыхаясь, спрашивает Агата.

Джина молчит, и тогда Агата не выдерживает.

– Ну скажите вы мне хоть полслова! – сердито говорит она. – Не врете, вот и проблемы не будет!

Джина раздраженно смотрит на Агату, и вдруг Агата понимает, что Джина может запросто выгнать ее из дома – интересно, куда Агата тогда денется? Пойдет попрошайничать, в самом деле? Сердце у Агаты екает, но Джина, уставившись на разложенное посреди стола мясо, вдруг медленно говорит:

– Ресто. Это был ресто.

– Это был что? – не понимает Агата.

Осторожно подбирая слова, Джина говорит:

– Это было то, что остается от человека, когда его сердце перестает биться в Венисальте.

– От любого? – потрясенно спрашивает Агата.

Джина кивает.

– Зачем он прилетал?

– Поговорить, – отвечает Джина тихо. – Твои ресто всегда хотят с тобой поговорить.

Агата вспоминает капо альто Оррена и вдруг представляет себе, что тот приходит к ней поговорить – да еще и не просто приходит, а прилетает в виде огромного малахитового крылана с лицом капо альто Оррена. Агату передергивает. И ведь наверняка Оррену было бы что сказать Агате, вот только хочет ли она это слышать?

– А про что они хотят поговорить? – сдавленно спрашивает она.

– Ты и сама большая любительница болтать языком, я вижу, – отвечает Джина резко. – Ни о чем хорошем, уж поверь мне. Да и не получится у тебя с ними поговорить, дурочка.

– Почему? – спрашивает Агата.

– Потому что ресто всегда лгут, – отвечает Джина, снова принимаясь за работу. – Не говорят ни единого слова правды. Никогда. А если ты задашь еще вопрос, то будешь полировать ложки до самой ночи и останешься без ужина.

Останешься без ужина! Агата взбешена: как можно оставить человека без еды в качестве наказания, что это за свинство такое? А главное – за что? Что же это, по мнению Джины, Агата должна жить тут дура дурой и ничего не понимать? Ладно, не так уж и важно, что там Джина себе воображает, в ярости думает Агата, еще немножко – и меня тут не будет, лишь бы сработал план, – а для этого Агате надо прикидываться очень хорошей девочкой. Агата улыбается Джине и с яростью трет костяную ложку клубнем серебрянки, стараясь не расчихаться от пыли. Ну же, Джина, ну же, ну же... Слава тебе, Господи, – Джина закончила разделявать тушку и вдруг обнаружила, что у нее кончилась пропитанная жиром бумага для заворачивания мяса. Удивительно – еще вчера была, лежала в шкафчике рядом с книгами, а теперь ее нет! Агата посмеивается про себя: теперь эта бумага – просто пепел в печке; ей хватило секунды, чтобы сжечь всю стопку, пока Джина выходила проверить, не несет ли ветром песок на свежевystи-ранное белье.

Раздосадованная Джина идет в чулан за домом – искать там новую бумагу; Агата бросается к шкафчику и хватается за первую из двух книг.

**Документ четвертый,
совершенно подлинный, ибо он заверен
смирненным братом Ги, ночным чтецом ордена
святого Торсона, в угоду Старшему судье.
Да узрит святой Торсон наши честные дела.**

Инга утащила на себя все одеяло и спит, свернувшись клубком, – она ложится очень рано и встает засветло, – но Агате сейчас не до борьбы за одеяло: она все равно не собирается спать, ей надо подумать, и подумать как следует. В теплой серой пижаме из шерсти муриюша Агата плюхается на матрасик, закидывает руки за голову – и тут в дверь тихо стучат.

Сегодня ордерро Шейсон выглядит очень уставшим – за ужином он рассказывал о драке торговцев шерстью у Душной лестницы, несколькими ордерро пришлось разнимать драчунов, и в результате ордерро Шейсон получил от одного из торговцев локтем в живот. Агата развесила было уши в надежде понять что-нибудь про то, где находится эта самая Душная лестница, да так ничего и не поняла и только расстроилась. «Уйду я с этой работы», – грустно сказал ордерро Шейсон. «Осторожно, – сказала молчавшая до сих пор Джина. – От клятвы до лжи один шаг». «И то правда», – смущенно сказал ордерро Шейсон, от греха подальше похлопал себя скрещенными руками по плечам и больше в этот вечер на всякий случай не говорил ничего. Вот и сейчас он молча стоит в дверях спальни девочек и держит на ладони какую-то коричневую конфетку. Нет, не конфетку – горько пахнущую пастилку; она похожа на пастилки, которые жует папа Агаты, когда у него болит голова, только те посветлее и поменьше.

– Зачем это? – удивляется Агата.

– От бессонницы, – говорит ордерро Шейсон. – Всем надо. От зеленого воздуха здесь все страдают бессонницей.

Агата чуть не проговаривается, что и не планирует спать, но вовремя спохватывается.

– Я очень устала, – говорит она, – я засну и так рано или поздно.

– Нельзя рисковать, Агата, – неожиданно говорит ордерро Шейсон. – Засыпать надо сразу. Ты не понимаешь.

Агата действительно не понимает, но вдруг соображает, что, несмотря на длинный-длинный день, сна у нее и правда ни в одном глазу, зато от ордерро Шейсона горько пахнет пастилкой, и он смотрит на нее сонными-сонными глазами, едва держась на ногах.

– Да, конечно, – говорит Агата, берет пастилку с ладони ордерро Шейсона и кладет ее на язык.

Горечь оказывается такой ужасной, что Агата едва не выплевывает пастилку прямо ордерро Шейсону под ноги. «Терпи, терпи, терпи», – говорит себе Агата и с усилием делает вид, будто жует, запихнув пастилку языком куда-то за щеку.

– Спокойной ночи, Агата, – устало говорит ордерро Шейсон. – Засыпай быстро, спи без помех, – и наконец уходит.

Агата стремительно выплевывает мерзкую пастилку и кидает ее под кровать.

Клейма на книгах действительно нашлись – вернее, нашлось клеймо на второй книге, на той, которая «Еще одна...», вот только сперва это клеймо привело Агату в полное отчаяние: очень тщательно нарисованное, оно оказалось совершенно непонятным! На красивом, изящном круглом рисунке были какие-то лесенки, и стрелки, и опять канаты, и названия незнакомых террас и балконов, и даже какие-то «барельеф с Невинным» и «выступ Мучеников», и от досады у Агаты сперва чуть голова не закружилась, но она все вглядывалась и вглядывалась в круглое клеймо, и вдруг до нее дошло: маленький дом с книжкой на крыше стоит в самом углу

скошенного прямоугольника с единственным известным ей названием! «Шаткий рынок» – это же туда Джина носит продавать столовые приборы, и внутренности муриошей, и «глазники», и еще домашний творог из муриошьего молока. А поскольку Агата сегодня была в итоге очень хорошей, очень послушной, очень услужливой девочкой (и не осталась без ужина, и получила свою порцию голубиноного рагу!), Джина, конечно, строго сказала, когда Агата с Ингой мыли и перетирали посуду после ужина, что завтра Агата должна будет помочь ей отнести все это на Шаткий рынок.

«Умная девочка, – хвалит себя Агата, – умная девочка с хорошим планом».

Неловко, конечно, сбегать от Джины, хотя Джина и противная, да и ордерро Шейсон наверняка будет волноваться, но Агате надо думать не о них, а о маме и папе. Мама и папа... У Агаты, конечно, совсем нет денег, но завтра она объяснит хозяину книжной лавки, что ей не нужно ничего покупать, ей нужно только найти и посмотреть одну-единственную книгу – книгу про двери, ведущие прочь из Венисальта, и желательно сразу на пятый этаж. Она, конечно, помнит предостережение ордерро Шейсона («Никогда, слышишь, никогда, девочка, не повторяй больше эту глупость!...»), да только с хозяином книжной лавки, если судить по слепому Лорио, можно говорить обо всем на свете. Агата отлично помнит, как впервые пришла в лавку к Лорио, – ей было лет шесть или семь, и ее привела мама, сказав, что она, Агата, впервые в жизни может сама выбрать себе книжки. Ох, чего только Агата тогда не набрала! Она копалась, наверное, час, носилась по всей лавке, пока мама беседовала с Лорио, и в результате весь прилавок был завален книжками: тут были и «Происшествие с неверным капо Пондо», и «Истории об Эвелине», и «Красочная книга для детей с похождениями хитрого и нахального лиса Тимоно, совершенно пристойная», и все шесть томов «Ундийских тайных рассказов», а главное, Агата притащила из дальнего-дальнего угла лавки, из стеклянного шкафчика, который непонятно как сумела открыть, роскошное издание «Белой книги недостоверных историй» в переплете из кожи и с такими картинками, нарисованными цветной гуашью с золотом, что дух захватывало! «Господи, Агата!» – воскликнул Лорио, смеясь, когда понял, что Агата выбрала. Мама нежно подхватила книгу у Агаты из рук и отнесла обратно в шкафчик, а потом сказала: «Чтобы купить эту книгу, нам придется продать дом». Но и остальные натащенные Агатой книги стоили столько, что на них не хватило бы никаких денег, и тогда мама объяснила Агате, что мы не можем приобрести все, что хотим, – придется выбрать только две книжки, самые желанные. От огорчения на глаза маленькой Агаты тогда навернулись слезы – сказали «выбирай, что хочешь», а теперь, значит, так! Агата выбрала «Пондо» и «Лиса Тимоно» и все равно хлюпала носом всю дорогу, а когда пришла домой, обнаружила, что в свертке с книгами не два томика, а целых три: маленькие «Истории об Эвелине» оказались подарком от слепого Лорио, и мама сказала, что теперь у Агаты, кажется, есть друг на всю жизнь.

Что-то все время постукивает, и оно страшно раздражает Агату. Это ставня окна – Агата забыла ее запереть, хотя Инга и взяла с Агаты клятву, что та обязательно сделает это перед

сном. Оскальзываясь грубыми шерстяными носками на деревянном полу, Агата бежит к окну, запирает ставню, возвращается к кровати – и чуть не кричит от ужаса: что-то темное сидит у нее на подушке, что-то темное и большое, что-то с перепончатыми крыльями и со светлым пятном лица, которое кажется белым в слабом отблеске ночника, что-то... Агата пятится, ресто перепархивает за ней и садится на спинку кровати. Агата не хочет, не хочет, не хочет смотреть на него и изо всех сил зажмуривает глаза, но уже знает, что это за лицо, она бы узнала это лицо везде, всегда. «Я заснула, и мне снится кошмар, я заснула, и мне снится кошмар», – шепчет Агата. «Да, да», – шепчет ресто, и от неожиданности Агата распахивает глаза. Нет, она не спит, а ресто с любимым лицом, крошечным маминым лицом смотрит на нее из-под знакомой челки.

– Почему... почему ты здесь? – шепотом спрашивает Агата, задыхаясь.

– Потому что ты совсем не думала обо мне, – шепчет мамин ресто.

– Я не думала? – возмущенно шепчет Агата и вдруг вспоминает, как Джина жестко про-изнесла: «Ресто всегда лгут. Не говорят ни единого слова правды. Никогда».

Значит, ресто появляется, когда люди думают о тех, чьи сердца перестали биться в Венисальте, понимает Агата. И, конечно, мамино сердце перестало биться здесь, когда унды выпустили дезертиров из Венисальта, вот и... Ресто смотрит на Агату изумрудными глазами. «А у мамы глаза прекрасные, карие», – вдруг думает Агата, и по щекам у нее катятся слезы, и от стыда Агата быстро закрывает лицо рукавом пижамы. Мама... Как часто мама отводила глаза в последнее время, если Агата пыталась с ней заговорить! Отвечала весело и подробно, гладила Агату по голове, но смотрела куда-то вдаль, словно думала о гораздо более важных вещах, чем какая-то там Агата...

– *Мама, – сдавленно спрашивает Агата, – мама, ты все еще меня любишь?*

– Нет, нет, нет, – шепчет ресто.

«Не говорят ни единого слова правды. Никогда». Агата понимает, что «Нет, нет, нет» означает «Да, да, да!», но от боли сгибается пополам и захлебывается рыданиями. Надо выгнать, выгнать прочь эту гадость, но у нее есть еще один вопрос – вопрос, который Агата не может не задать, и Агата задает его прерывающимся голосом, задает, закрыв глаза ладонями:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.